

Глава 1

— Отчислить товарища Иванова из школы особого назначения в связи с неуспеваемостью. Направить в распоряжение наркомата, — начальник снял очки, отложил приказ. Внимательно на меня посмотрел. Пожал плечами. Так же грустно смотрела вся комиссия. А нет... Ермолаев злорадно ухмыляется. Вот сука, он же все и подстроил...

Отчисляли меня публично, как двоечника. В назидание всем курсантам. Вот, посмотрите, что будет, если плохо учиться. Станете как Петр Соловьев, отстающим.

С самого начала все пошло не так, как виделось мне. Я-то думал, что подтяну немецкий до нужного уровня, мы с каким-нибудь высококолым специалистом подумаем над подробностями, а в остальное время займусь личной жизнью, да и просто немного отдохну.

Но меня под именем Андрея Иванова, человека без звания и наград, сунули в группу

курсантов — и понеслось. Общефизическая подготовка, стрельба, минное дело, радиодело. Весело до смерти. А потом — языки, немецкий и шведский. И организация немецкой армии. И дипломатический этикет. И что-то еще, чему названия нет. А после занятий самостоятельная работа. То же самое, только с собственноручно написанными конспектами, которые надо было сдать под подпись. Что там секретного в раскладке вилок и ножей на столе — убейте, придумать не могу. Но порядок такой.

Я даже не знал, когда спать, не то что личной жизнью заниматься. Кормили в ШОНе на совесть, да. И одежду стирали, и гладили. Было где помыться и отдохнуть. Это если времени хватало. Один хлопчик наивно поинтересовался, когда можно будет привести в порядок мысли и чувства. Что-то вроде случится ли свободный день. Ну и получил обычный ответ: «После победы отдыхать будем, товарищ курсант». Так еще и пару лишних кругов побежал. Примерно после десятого километра мысли и чувства приходят в идеальный порядок по причине полного отсутствия. Доказано.

Я, кстати, тоже нарвался на такое. Хорошо, не перед строем, а лично. Куратор мой, майор Безлюдько, меня на землю опускал.

А дело так было. Мы обсуждали какие-то моменты, и я влез с вполне разумным, как мне казалось, предложением:

— Я же возьму жену с собой? Ну, для оперативных целей. Она сможет исполнять обязанности врача посольства, к примеру.

Взгляд майора был способен испепелить что-нибудь большое. Его бы на фронт с такими возможностями. Скажешь ерунду какую, что ему не понравится, и сразу поворачивай в сторону врага. А потом идешь и собираешь обугленные тушки.

— Конечно, товарищ Соловьев, — ответил он, поиграв желваками. — И любовницу возьмем. И бабушку из деревни выпишем, блинчики на завтрак готовить. И ребят из соседнего двора, чтобы вечером компания сложилась пивка попить и «козла» забить. Вы кем себя возомнили, а? У нас с вами ответственное задание, очень тяжелое и трудное. И тут вы... со своими предложениями. После войны, Петр Николаевич, возьмете кого захотите и поедете в санаторий. В Сочи. Или Кисловодск. Или еще куда. Думаю, такой заслуженный человек выберет что-нибудь по своему вкусу. А сейчас... работать надо!

Вот это последнее предложение он немного громче сказал. Совсем чуть-чуть. А остальное, перед этим, тихонечко говорил. Но так, что лучше бы кричал. Может. Большого таланта человек. Мне вот почти стыдно стало. Ладно, не хочет Безлюдько, так я его начальника спросить могу. Когда случай подвернется.

Да, я тут хожу под другим именем. Заставили ходить в штатском. Награды носить тоже

не моги. Полная конспирация с секретностью. Утром подъем, построение. Зарядка, завтрак. Учеба по классам, обед. Тихий час. Не для сна, а для повторения словаря слов. Сучий шведский язык! Это он первый дал мне торпеду в борт. Семнадцать гласных звуков. Двойные ударения, а также тонирование слогов. Похож на немецкий, но со своей спецификой. Два одинаково написанных слова могут переводиться по-разному, в зависимости от этого самого тонирования. Причем письменно тоны не обозначаются, а определяются по смыслу. Поди догадайся. Не китайский язык, но где-то близко. Хотя преподавательница сказала, что шведский по сравнению с венгерским — вообще ерунда. А русский, которым мы все владеем свободно, и вовсе второй по сложности в мире после китайского. Так что вперед, товарищи, ничего невозможного.

По шведскому я сразу не потянул. Сколько ни долбил — не выходит, хоть ты тресни. Училка — старая жаба, Антонина Александровна — спуску не давала. Двойка за двойкой.

Я надеялся, что хоть немецкий потяну, но Генрих Оттович, с виду типичный вражина из кинофильмов, только поморщился, когда услышал меня. Мол, лучше бы совсем ничего не знал, чем такое. Переучивать всегда хуже. И начал ставить мне гамбургский диалект, так есть шанс, что меня примут за какого-нибудь придурка из сельской глубинки. Гадина, нечего сказать про него больше.

После тихого часа — новые занятия. Обычно полевые. Минно-взрывное дело, слежка и контр-наблюдение, методы конспирации. ШОН располагался в Подмосковье — поселок Челобитьево. Как нам сказали, раньше тут было имение потомственных почётных граждан столицы — Василия и Фёдора Алексеевичей Ленточниковых. Пять небольших дач за высоким зеленым забором. Проедешь мимо — не заметишь. Но местные, конечно, о чем-то догадывались. Ведь весь обслуживающий персонал — уборщицы, водители — были вольнонаемные, из соседнего Алтуфьево. Слухи ходили.

— Что же вы, Андрей, так подвели наркома? Не стыдно вам? Ге-ерой!

Учитель по минно-взрывному делу, товарищ Ермолаев, не замедлил сплясать на моих костях. Это была вторая торпеда в борт корабля с птичьей фамилией.

Мы сразу друг другу не понравились. На занятиях я поправлял ошибки Ермолаева, дал ему понять, что знаю больше, умею лучше. Мина-лягуха? Вот вам полная схема с ходом. Это ведь я ее «придумал». Фугас на неизвлекаемость? Пожалуйста, ознакомьтесь с новым способом. Ах да, про Гимmlера слышали? Нет, что вы, секретность — наше всё, но ведь слышали?

Допонтовался. Ермолаев завалил меня на расчетах по выставлению минных полей. Военное дело развивалось, параметры в уставах и ме-

тодичках менялись чаще, чем наряды у модниц. Тут я конечно же лопухнулся. Надо было тщательнее готовиться к экзамену, но я-то Соловьев! Убийца самого Гимmlера. Спас из плена Якова Джугашвили. Того самого. Сына. Очень известного усатого отца.

Ермолаеву это было по барабану. Ходил в ШОНе я под чужим именем, водку в окопах с преподам не пил. Подозреваю, что и билеты на экзамене он специально под меня «подшаманил». Темы, где я был силен — не включил, оставил всякие расчеты взрывной силы, саперскую уставщину. То, в чем я плавал.

Два предмета меня бы не утопили. Но был еще марксизм-ленинизм. Куда без него в школе советских разведчиков. Два урока каждую неделю, конспектирование многотомных трудов Маркса, Энгельса, Ленина и, конечно, Сталина. Диалектический и исторический материализм. Вопросы ленинизма. Марксизм и национальный вопрос... Вот спрашивается, зачем в ШОНе все это? Идет всемирная бойня, самая тяжелая война в истории страны. Только-только пнули немцев от Москвы, налеты фашистской авиации — почти каждый день. А мы сидим, долбим «Краткий курс истории ВКП(б)». Ну как долбим... Это другие ученики вгрызались. А я вот не мог. Пролистаю пару страниц, сразу сон одолевает.

— Нет, не стыдно, — я смело посмотрел в глаза Ермолаеву. — Сам сюда я не просился. Уве-

рен, что буду полезен на фронте. Или где еще Родина прикажет.

Хотел подмигнуть директору школы Орлову. Он-то мое лично дело наверняка видел. Но не стал.

Собираться после отчисления было грустно. Уже привык ко всему тут, к распорядку, курсантам. Комнату я делил на двоих с пузатым рыжим лейтенантом по имени Боря Еропкин. Хотя его брюхо не содержало ни грамма сала. Такой крепьш, из одних мышц состоящий. Как его звали на самом деле, разумеется, не доводили, а псевдонимы мы блюли.

— Что, Дрюня, отчислили? — Боря вкатился к нам, словно колобок. Переваливаясь как пингвин, упал на кровать, потянулся.

— Отчислили.

Я залез в тумбочку. Начал выкладывать вещи. Мыльно-рыльные, личные книги, часы, фотографию жены, собственную кружку на четверть литра из алюминия — подарок работников завода «Серп и молот». Она была примечательна тем, что в ней в районе дна имелась пробка на ремешке. Не хочешь, чтобы твоей посудой кто-то пользовался, пока тебя нет? Забираешь пробку с собой.

Боря давно точил зуб на смешную кружку. Подкатывался так и сяк, а давай обменяемся,

а может, в картишки перебросимся и на кон ее поставим. Ага, щаз-з. Как Еропкин играл в карты, я слышал от других курсантов. Хоть азартные игры были запрещены в школе, тайком все-таки шпилили. А что еще делать? Привезенное из увольнительной бухло вычищали из запасов просто мигом, контролеров хватало. Выходить за территорию нельзя — даже не прогуляешься нормально на танцульки. Вот и перекидывались в картишки.

— Может, оставишь кружечку тут? В память о себе?

— Ага, спешу, аж падаю.

Я снял с полки учебники. Сел стирать ластиком пометки карандашом. Хоть и двоечник, а все-таки худо-бедно учился. Немецкий, кстати, пошел влет, Генрих Оттович, надо отдать ему должное, признал, что первое впечатление было ошибочным, и меня хвалил.

— Давай помогу, — хитрозадый Боря тяжело вздохнул, взял один из учебников. — С пометками не примут в библиотеке.

Домой ехал в полном раздрае. Чего теперь делать? Идти к Фитину? Или сразу к Берии? И что я скажу? Проклятые враги отчислили меня с курсов? Обижен и требую справедливости согласно заслугам? А пустят меня к ним?

Да тут даже проверять не надо, покажут на дверь, если забыл, куда идти — и прощайте. К тому же не исключен вариант, что все эти козни неспроста. Что кто-то там подумал, и задумку мою признали не такой замечательной, как это казалось поначалу. И меня мягко оттирают в сторону, давая знать, что «органам» я не нужен. А если так, то радоваться надо. У этих ребят всякие подковерные игры постоянно идут, а после войны, особенно после смерти вождя — такие головы полетят, что и думать сейчас страшно. Как там поэт говорил? «Минуй нас прежде всех печалей...» Чем дальше от начальства, тем спокойнее живется. Тем более что у меня и так есть всё, что только пожелать можно. Любящая жена-красавица, к тому же еще и умница — это раз. Квартира, которая и через двадцать лет шикарной считаться будет, — это два. И я, пока еще живой и не обделенный всякими плюшками — это три.

Мое появление дома стало для жены полным сюрпризом. Зашел я в квартиру на цыпочках, дверью не хлопал. Застал супругу за учебой — Вера конспектировала какую-то статью. Я закрыл ей глаза ладошками, под ее «ой» поцеловал в шею.

— Петя! У тебя увольнительная? А что не предупредил?

— Так точно, товарищ военврач третьего ранга! Полная и окончательная. Уволили из ШОНа с концами! — я сел в кровать, потянул к себе жену. Та сопротивлялась.

— Как уволили?! Ну-ка рассказывай!

Ну я и рассказал. Про козни Ермолаева, шведский язык и прочий марксизм, придуманный разными немцами нам на погибель.

— Тебя отчислили?!

— Как двоечника, — покивал я. — Прости, родная, не вышло из меня разведчика.

— Иди к Кирпоносу, — тут же сделала вывод Вера. — Завтра же. С утра. Он тебе жизнью обязан, вытащит.

Похоже, другого варианта и не оставалось.

Но жена у меня — золото. Больше к этому разговору не возвращалась, будто и не было его. Не нудела и не причитала. Приняла как должное. Случилось, и ладно. Будем дальше жить. Вот это я понимаю, правильное отношение к семейной жизни — что бы там с мужем ни произошло, накорми, напои и приголубь.

С начальством надо встречаться с самого утра, пока вышестоящие товарищи не испортили настроение. Я нарядился в идеально выглаженную форму, нацепил ордена, звезду Героя и поехал по темноте на Фрунзенскую. Ночью еще подмораживало, будто и не весна сейчас. Да и днем тепло только на солнышке было.

Что Кирпонос в Генштабе, я вчера узнал. Осталось только найти его и напомнить о сво-

ем существовании. Трубку взял кто-то мне неизвестный, но Михаилу Петровичу доложил и сказал, что тот с утра ждать будет. Был бы Аркаша Масюк — тот бы больше сообщил, но где мой товарищ сейчас, пока неведомо.

Так что пропуск меня ждал, тут как снег на голову не свалишься, особенно таким чинам. Я поднялся на второй этаж, как мне и подсказали, и вошел в приемную. Да уж, в Киеве, конечно, побольше хоромы были, но надо понимать: тут вам не там.

Адъютант один был, лейтенант, я его точно раньше не встречал. Молодой парень, лет двадцати с небольшим, но сразу виден штабной лоск. Не расфуфыренный хрен с напомаженным чубом и мундиром из генеральского сукна, вовсе нет. Одет обычно, стрижен коротко, «Тройным» одеколоном самую малость пахнет. Но что-то такое штабное во внешности есть. Не из окопа, короче. У этого про Масюка не спросишь, он даже если знает, не скажет. Этот вопрос я за дверью задам, если встреча хорошей будет. У высокого начальства память иной раз коротка бывает. Но хоть не сразу в строевой отдел послали, и то хлеб.

Запустили в кабинет зато моментально, только доложил адъютант, сразу кивнул, будто начальник его сквозь стену видит, и показал мне на дверь, давай, Петр Николаевич, не стесняйся.

Кирпонос шел мне навстречу, широко улыбаясь. Даже руки в стороны чуть развел и, подойдя ко мне, крепко обнял.